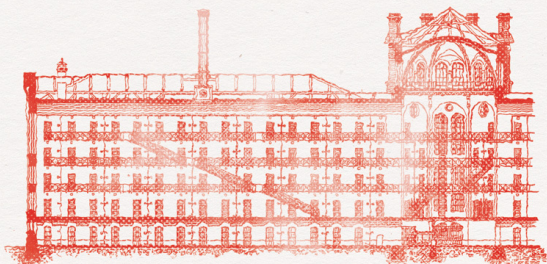

СЕМЬ ЛЕТ В "КРЕСТАХ"

ТЮРЬМА ГЛАЗАМИ ПСИХИАТРА

АЛЕКСЕЙ ГАВРИШ

18+

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Алексей Гавриш

Семь лет в «Крестах»: Тюрьма глазами психиатра

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70201003

*Семь лет в «Крестах»: Тюрьма глазами психиатра: Альпина нон-фикшн; Москва; 2024
ISBN 9785002232222*

Аннотация

Семь лет в одном из самых знаменитых в России мест заключения – это серьезный срок, вполне достойный такого проверенного временем жанра, как тюремные мемуары. Тем более что Алексей Гавриш провел эти годы в петербургском следственном изоляторе «Кресты» не заключенным, а сначала врачом-психиатром, а потом заведующим крупнейшим психиатрическим отделением в уголовно-исправительной системе всего северо-запада страны.

Когда я только вошел на территорию психиатрического отделения, меня ошарашил крик. Вопль. «ДУРДОМ!» – это начальница так отвечала на все входящие звонки.

С этой довольно экзотической точки зрения он очень откровенно рассказывает о том, как устроена российская тюрьма и тюремная медицина: кто и ради чего там работает; кто и как

сидит; кто и руководствуясь какими принципами лечит; кто и от чего лечится. Симулянты и оперативники, наркоманы и шизофреники, санитары и педофилы: что в буквальном смысле происходит в голове у всех этих объединенных очень странным и сложным местом общего пребывания людей – начиная с автора, который к финалу обнаруживает себя чудовищем и решает уйти из уголовной системы.

Репутация психиатрического отделения в учреждении была неоднозначной. С одной стороны, мы несли отпечаток «карательного органа», куда люди попадают не по своей воле. С другой – мы нередко облегчали жизнь тем, кому ее облегчать, по общему мнению, совершенно не стоит.

Содержание

Введение	9
Начало	12
Пространство и сотрудники	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Алексей Гавриш

Семь лет в «Крестах»:

Тюрьма глазами психиатра

Редактор: Пётр Фаворов

Издатель: П. Подкосов

Руководитель проекта: А. Тарасова

Ассистент редакции: М. Короченская

Арт-директор: Ю. Буга

Корректоры: Е. Барановская, О. Петрова, Е. Рудницкая

Верстка: А. Ларионов

Иллюстрации на обложке: Проектные чертежи «Крестов» Антония Томишко

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от то-

го, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Гавриш Алексей, 2023

© ООО «Альпина нон-фикшн», 2024

* * *

АЛЕКСЕЙ ГАВРИШ

СЕМЬ ЛЕТ В "КРЕСТАХ"

ТЮРЬМА ГЛАЗАМИ ПСИХИАТРА

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Москва, 2024

Введение

«А воровской припев такой – семь лет не вышка»¹.

Именно столько лет я проработал врачом в следственном изоляторе. А дальше не смог. Что-то екнуло, что-то понял – и дальше не смог.

Большинство людей, которые попадают в эту систему, и не важно – в качестве работников или спецконтингента, остаются с ней на всю жизнь. Количество лет, проведенных за решеткой, является своеобразным предметом хвастовства как сидящих, так и их охраняющих. «Я сорок лет в системе», – с гордостью произносит сотрудник, и абсолютно так же козыряет этим заключенный. Что лишний раз подтверждает старую мудрость, что сотрудника от жулика отличает лишь наличие формы.

Я буду рассказывать про одну определенную тюрьму. Про СИЗО-1 «Кресты», что в Санкт-Петербурге. Я бывал и в других учреждениях. В качестве гостя или врача-консультанта. Но я не буду их сравнивать.

«Мой дом – тюрьма, тюрьма – мой дом»².

Для меня домом были старые «Кресты», что до сих пор

---

¹ «Первый срок», Сергей Куприк (группа «Лесоповал»).

² «Тюрьма», Илья Кнабенгоф (группа «Пилот»).

стоят на Арсенальной набережной.

В 2017 году, через полгода после моего увольнения, формально закончилось строительство «самого большого и современного следственного изолятора в Европе», построенного тоже в форме крестов в Ленинградской области. Тогда же случился большой переезд. «Кресты» частично опустели. На их территорию перевели колонию-поселение, временно, пока администрация города и Федеральная служба исполнения наказаний (она же ФСИН) решают вопрос о дальнейшей эксплуатации этого «памятника архитектуры».

Для меня «Кресты» были самым уютным и спокойным местом. Я приходил туда как к себе домой, мне там было хорошо. Я знал свое место. Знал, что я делаю и зачем. Я ощущал свою нужность, свою, как говорят психологи, «самость». Свою личность я обрел именно там. Я с удовольствием оставался на суточные дежурства, потому что мне нравилось быть там в любое время суток. И ночью в том числе.

«Кресты» – это клубок, огромный концентратор человеческих душ и судеб, переплетающихся весьма неоднозначно и витиевато. Это ощущалось физически, и в этой непостижимой метафизической массе мне было невероятно комфортно.

В этой книге не будет сенсационных разоблачений, да и имена, кроме моего, будут изменены. Я действительно

до сих пор очень люблю то место и то время и не буду пытаться его очернить или опозорить. В первую очередь моя цель – показать на собственном примере обыденность ужаса.

Начало

В совсем юном возрасте, когда маленький человек думает, кем бы он хотел стать в этой жизни, он примеряет на себя роли взрослых и моделирует в воображении различные ситуации с собой в главной роли. Чаще всего в этих фантазиях на передний план выходят победы, достижения и некоторые наивные моральные обоснования, почему так, а не иначе.

Когда мне было лет 14–15, я делал так же. А еще я был склонен к рефлексии и примитивному самоанализу. Я скрупулезно копался в своих немногих навыках и умениях, пытаясь понять, что у меня получается хорошо и что мне нравится делать.

Тогда, да и сейчас, мне нравилась роль наблюдателя. Как в зоопарке, но только не за обезьянками, а за людьми вокруг. Я смотрел на человека и сам для себя прогнозировал его поведение в той или иной житейской ситуации. Не в экстремальной, невероятной или сложной, а в самой обычной. В той, где я мог проверить свои предположения. И радовался, что оказался прав, когда такая ситуация происходила.

Еще для меня было важным то, что я не хотел участвовать ни в какой конкуренции. Мне претит сама идея соревнования. То, что кто-то должен быть лучше, а кто-то неминуемо окажется хуже, слабее и прочее, не нравилось мне с самого детства.

В этом виноват папа. Он сам так думал и нередко говорил на эту тему со мной. Он всегда повторял: «Если хочешь быть первым – не стоит идти вперед. Иди в сторону. Ты будешь единственным, а следовательно, первым».

Логично, что меня увлекла психология. Но я решительно не понимал практического применения этой профессии. Со временем, еще в старших классах школы, а потом и на первых курсах медицинского института, я заинтересовался психопатологией. Не имея специальных знаний, я каким-то внутренним чутьем мог увидеть ее (психопатологию) в окружающих меня людях или же случайных знакомых.

И как снежный ком, обрастая подробностями и наблюдениями, росло понимание: мое будущее – это психиатрия.

После третьего курса появилась возможность работать медбратом. Естественно, я устроился в психиатрический стационар. И впервые почувствовал себя дома. Меня ничего не удивляло. Все было понятным, уютным и родным.

Студентом я успел поработать в двух разных психиатрических больницах и в частной наркологической клинике. А дальше – ординатура в одном из лучших институтов Питера. Окончив ординатуру, я начал искать работу в какой-нибудь психиатрической клинике города. Но меня никто не брал.

И так пошел бродить по плану и без плана,

И в лагерях я побывал разочков пять,
А в тридцать третьем, с окончанием канала,
Решил с преступностью покончить и порвать.
Приехал в город – позабыл его название, –
Хотел на фабрику работать поступить, –
Но мне сказали: «Вы отбыли наказание,
Так что мы просим вас наш адрес позабыть!»
И так пошел бродить от фабрики к заводу,
Везде слышал один и тот же разговор.
Так для чего ж я добывал себе свободу,
Когда по-старому, по-прежнему я – вор?!³

Я приходил в отдел кадров очередной психиатрической больницы, их устраивали мои документы, и меня отправляли знакомиться с главврачом. Ему я рассказывал, кто я и откуда. И мне никто не отказывал сразу. Просили подождать пару дней. За это время совершался созвон с кафедрой, которую я окончил. Профессор давал мне нелестную характеристику, затем шел отказ по какой-нибудь формальной причине. То беременные неожиданно возвращались из декрета, то перепутали штатное расписание, то еще какой-нибудь бред. В Питере десять психиатрических больниц. Мне отказали в семи из них. На это ушло два месяца.

Почему так? А нечего дерзить профессорам и не соблюдать субординацию. Они этого не любят. У них чванства,

---

³ «Я – сын подпольного рабочего-партийца...», автор неизвестен, наиболее известно исполнение Владимира Высоцкого.

спеси и гордыни больше, чем у кого бы то ни было.

В своих метаниях по поводу того, что же делать с карьерой и жизнью в целом, я пришел на 13-ю специализированную подстанцию скорой психиатрической помощи. Меня согласились взять. Но через год. Обязательным условием работы врачом в составе специализированной бригады является наличие двух (минимум) дипломов – врача скорой помощи и врача-психиатра. Я погрузил, подумал и пошел учиться в интернатуру. Снова студент.

Учебу на «скорику» я не воспринимал как что-то серьезное, особенно после разговора с начальником учебного отдела, который расспросил, «кто я, куда я», выяснил, что я пришел учиться для трудоустройства на 13-ю подстанцию, и сказал: «Ну, ты посмотри расписание, какие лекции нужны – походи. Когда будут зачеты и экзамен – я тебе сообщу».

Я продолжил искать вакансии и периодически совался на различные собеседования. В основном в маленькие частные конторки. Они, в отличие от городских больниц, готовы были меня брать. Но артачился я – то из-за низкой зарплаты, то из-за непонятного правового статуса заведения, то еще из-за какой-нибудь глупости.

Надо сказать, что я никогда не рассылал свое резюме. Впервые, мне было важно приехать и своими глазами посмотреть, что это за организация. Я ориентировался не столько на какие-то объективные факторы, сколько на свои ощущение.

ния от того места, куда я приехал. А во-вторых, «торговать лицом», то есть производить впечатление при личной встрече, у меня всегда получалось лучше, чем вступать в переписку или договариваться по телефону.

Очередной раз лазая по сайтам с вакансиями, я наткнулся на объявление, что в СИЗО-1 требуется врач-психиатр на 0,5 оклада, с какой-то низкой до смешного зарплатой. С учетом учебы на врача скорой помощи работа на полставки меня устраивала. И я пошел. Не столько трудоустроиться, сколько посмотреть на это место. Ведь любому интересно увидеть тюрьму изнутри, особенно когда никогда там не бывал.

Я в тюрьме

Уже при первом посещении тюрьмы это место показалось мне родным. Будто я всегда здесь был. В этих обшарпанных стенах, среди массы хмурых людей чувствовалась сила, основательность и время. Оно было густое, плотное и со специфическим запахом.

В первый свой визит я думал, что это собеседование перед приемом на работу, переживал и даже готовился. Оказалось, это не столько собеседование, сколько приоткрытая дверца, в которую я заглянул из любопытства, а с той стороны предложили войти, причем так, что сразу стало понятно – меня давно ждали.

Когда я только вошел на территорию психиатрического

отделения, меня ошарашил крик. Вопль. «ДУРДОМ!» – это начальница так отвечала на все входящие звонки. Она была очень громкой, большой и добродушной. Женщина в погонах майора, крайне эксцентричная и проницательная особа. И вместо того чтобы показывать отделение, куда меня привел какой-то сотрудник, она тут же усадила меня пить чай.

Такое собеседование меня изумило. Таким оно у меня было единственный раз в жизни. Где официоз? Где полчаса ожидания, прежде чем войти в кабинет начальника? Где надменный и оценивающий взгляд сверху вниз?

Буквально через пару минут в ее маленький кабинетик вихрем ворвался какой-то бодрый старичок с усами и чашкой кофе в руке. Впоследствии сыгравший важнейшую роль в моей судьбе человек. Мне не задали ни одного вопроса. Спрашивал только я. На мои расспросы отвечал в основном он.

– Какая работа мне предстоит?

Когда я только вошел на территорию психиатрического отделения, меня ошарашил крик. Вопль. «ДУРДОМ!» – это начальница так отвечала на все входящие звонки.

– Работать? В тюрьме не надо работать, в тюрьме надо быть.

– С какими пациентами предстоит работать?

– Ургентная психиатрия.

– Каков средний период лечения на отделении?

– СИЗО, следственный изолятор, называют вокзалом, и это очень точное определение. Кто-то здесь на час-два, кто-то на день, неделю, месяц. Другие задерживаются годами. У нас был пациент, который лежал на отделении три года, – судья потеряла дело, а он никуда не спешил, вел себя незаметно, и про него все забыли...

У меня было много вопросов. Я всегда предполагал, что все отделения устроены примерно одинаково. И это так. Но нюансы... Здесь их было слишком много.

К концу нашей беседы к нам присоединился прихрамывающий, с огромными руками главврач. С ним разговор был уже более предметным и конкретным.

Тогда я ничего не понял... Но решил остаться.

А потом органы безопасности два месяца проверяли мою благонадежность, и под конец календарного года меня взяли. Оформив меня на полставки, главврач сказал, что мне надо приходить два раза в неделю.

Ага.

Я был как влюбленный школьник, который впервые ощутил радость женских объятий. Я был готов на все, лишь бы пребывать в них все свое время, прерываясь лишь на короткий сон и отправление естественных нужд. Я приходил на весь рабочий день, каждый день. Первые месяцы ни черта не понимал, но не хотел уходить.

Как-то очень быстро я врос в эту систему. В пенитенци-

арную систему. Или я и был ее частью, или она меня так легко приняла. Уже через полгода, помимо основной работы в «Крестах», я консультировал женский изолятор и строгую колонию, куда приезжал раз или два в неделю.

Первые два года я проработал в качестве вольнонаемного сотрудника, ведь аттестованная врачебная ставка была только одна. И она была у начальницы отделения. В этом были и плюсы, и минусы. Как вольнонаемного меня не касалась вся та часть работы, которая относится к «несению службы». Ни внезапных построений, ни рапортов начальству, ни прочей рутины человека в погонах. В остальном же я подчинялся тому же режиму и делал ту же работу, что и все сотрудники.

Одним из очевидных плюсов для меня был тот факт, что мне не нужно было носить форму. Если первое время я регулярно носил халат, чтобы у встречных было понимание, кто я вообще такой, то через несколько месяцев, когда большинство уже знало меня в лицо, я вовсе перестал его надевать. Это меня радовало. Терпеть не могу форму в каком бы то ни было виде. Даже в период моей работы на скорой помощи я стремился не носить форму, накидывая служебную куртку с красным крестом поверх повседневной одежды только перед посещением очередного адреса.

За два года все руководство привыкло видеть меня только в рубашке или пиджаке. И, уже когда я получил погоны, это сослужило мне добрую службу: меня не заставляли обла-

чаться в эту синенькую форму с красными полосами на брюках. Точнее, это был своеобразный триггер, знак, что кто-то из начальства недоволен моей работой, но прямо «предъявить» ему нечего. В этой ситуации начинались придирки – почему я не в форме на режимной территории. Поняв причину «предъявы» и все исправив, я снова облачался в привычную мне одежду.

В первый же день моей работы мне выделили отдельный кабинет.

Кабинет! Не место за столом, не стол в углу общего помещения, а полноценный, только мой кабинет.

Он представлял собой помещение в 7,5 квадратного метра – бывшая камера со столом, стулом и вешалкой. И все. Вообще все...

Я был счастлив безмерно. Первый день – а у меня отдельный кабинет!

Когда я только вышел на работу, начальница отделения была в отпуске. Тот самый старичок с усами исполнял ее обязанности и, казалось, очень нехотя и не торопясь вводил меня в жизнь отделения. Оглядевшись, я обнаружил, что не до конца понимаю, как именно проходит рабочий процесс, и решил поступить самым простым образом. Когда не уверен в себе – выполняй инструкцию. Даже если где-то ошибешься – всегда можно будет сказать, что делал так, как написано.

Но должностной инструкции не оказалось. Ее не было во-

обще. Ни у кого. Тотальное разгильдяйство – одна из ключевых особенностей пенитенциарной системы России. Позже, года через три работы на отделении, когда я был уже его начальником, я сам писал эти инструкции на всех сотрудников для какой-то очередной проверки. Ладно.

Вроде у меня есть какой-никакой опыт и интуиция. В первые дни я решил не лезть на рожон, не проявлять инициативу, а выполнять только то, что мне скажут.

Собственно работа врача на этом отделении состояла из четырех компонентов:

- 1) ведение (диагностика, лечение) пациентов отделения;
- 2) амбулаторное консультирование;
- 3) первичный осмотр всех вновь прибывших в СИЗО;
- 4) работа с документами.

Сначала у меня были какие-то единичные пациенты, которых я курировал самостоятельно, согласовывая с начальницей только назначаемую терапию. Я прилежно исполнял все, что мне говорили, и старался не делать ни шага в сторону.

Постепенно и первым делом на меня переложили самую нудную часть работы – входящую корреспонденцию и ответы на все многочисленные запросы из судов, следственных органов, от адвокатов, общественных наблюдателей и так далее.

Почему-то мне всю жизнь везет. Мое же окружение бере-

жет меня от всякой мерзости бытия. К примеру, еще в школе мои друзья-одноклассники курили класса с седьмого. Я же был очень домашним, и у меня не было стремления к этому занятию. Тусить с курящими друзьями я мог и без этого. В десятом классе, когда была очередная вечеринка у меня дома, все они курили на моем же балконе. Я зашел к ним и попросил тоже дать сигаретку. Так эти злодеи выгнали меня с балкона и не разрешили. Курить я начал примерно в тот же период, но делал это скрытно от друзей, назло им и только один.

Или в институте. Многие мои товарищи, в том числе и близкие друзья, с завидной регулярностью принимали или курили запрещенные вещества. И ни разу не предлагали мне. Даже не говорили об этом. Ни разу не предложили. Сволочи. Что уж тут.

Так и в СИЗО мои коллеги долго, очень долго ограждали меня от темной стороны тюремной жизни. Я воспринимал свое отделение как обычный психиатрический стационар, только в специфических условиях. Меня даже несколько расстраивал этот факт. Начитавшись книжек и наслушавшись различных историй, я представлял себе, что буду играть в героя. В того персонажа, который, весь в белом, на смерть бьется на арене цирка с несправедливостью этого мира.

В первое время это было обычной врачебной работой. Очень интересной, разнообразной, интенсивной, но без пре-

словутой карательной психиатрии и грубых нарушений чужих прав и свобод.

Вот такое начало. Далее не будет линейного повествования, а будет длинный рассказ о том, как я вижу тюрьму и тех, кто там обитает.

И еще уточнение. Когда я говорю «мы» – я подразумеваю психиатрическое отделение. Впрочем, когда я говорю «я» – чаще всего тоже подразумеваю отделение.

Пространство и сотрудники

СИЗО – это специфическое место, где находятся люди, которым предъявили обвинение в каком-либо преступлении. То есть казус заключается в том, что их преступление еще не доказано, а они уже сидят. В определенных ситуациях, когда преступление очевидно и человек представляет явную угрозу обществу, это может быть оправданно. В большинстве же случаев это оригинальный способ потратить государственные деньги и сломать жизнь человеку.

Если придирается к терминам, то тюрьма и СИЗО – разные вещи. Следственный изолятор (СИЗО) – учреждение, обеспечивающее изоляцию подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и осужденных. Тюрьма – пенитенциарное учреждение: место, где люди содержатся в заключении в качестве наказания, которое может быть наложено государством за совершение преступления. Но я буду использовать эти слова как синонимы. Во-первых, «Кресты» раньше были тюрьмой, во-вторых, структурно они похожи, а в-третьих, мне так удобно.

Театр начинается с вешалки, а тюрьма начинается с КПП, контрольно-пропускного пункта.

Итак, КПП. Вход в СИЗО «Кресты» для персонала находится на Арсенальной набережной. Большая черная дверь

и незаметный звонок. Нажимаем кнопку, и дверь отпирается. Попадаем в первое помещение, где есть запертый проход вглубь режимной территории и большое тонированное стекло. За этим стеклом сидит сотрудник, который имеет возможность внимательно осмотреть тех, кто вошел. В некоторых случаях даже принять решение никого не впускать до особого распоряжения.

В этот предбанник запускали всех, но проход в следующую дверь был возможен одновременно группой не более трех человек. Это уже был контроль. Следовало сдать служебное удостоверение или временный пропуск, телефон и оружие, если таковые имелись. Взамен выдавались пластиковые карточки с номерком, которые при выходе обменивались обратно на сданные предметы.

Еще одна дверь – и попадаешь на территорию.

Если сразу повернуть налево, там дежурная часть. В любом пенитенциарном учреждении есть дежурная часть, место, где дислоцируется «смена». Это люди, сотрудники, которые контролируют все процессы, происходящие в изоляторе в течение суток, и несут ответственность за эти процессы. Есть четыре смены. Начальник смены подчиняется напрямую начальнику СИЗО и, по сути, является его глазами, ушами и руками. Любые возникающие вопросы докладываются и решаются в первую очередь с ним.

Прямо – рамка металлодетектора и проверка содержимого сумок и карманов на предмет наличия запрещенных ве-

щей. Это все рутина. Весь процесс входа занимает не больше одной-двух минут. Пройдя КПП, попадаешь на улицу, во внутренний дворик. Там импровизированный плац, на котором осуществлялись регулярные построения сотрудников: смотр зимней и летней формы, прослушивание гимна, раздача наград и поощрений. И прочее, столь характерное для ведомственных структур.

Если свернуть налево, попадешь в столовую для сотрудников. Направо – огромная кирпичная стена, за которой «воля». Прямо – большое здание административного корпуса, увенчанное куполом тюремного храма. Несколько ступенек вверх, пересечь коридор – и упираешься в большие двустворчатые двери этого храма. И черт бы с ним. По этому коридору налево. В этом крыле административного корпуса для меня были важны два кабинета – кабинет начальника изолятора и кабинет его заместителя по оперативной работе. В правом крыле были канцелярия и кабинеты других служб. И проход. Проход на режимную территорию.

На режимной территории располагались сами кресты, где содержались подследственные, – два огромных крестообразных здания в четыре этажа. В пять, если считать с подвалом. Каждый луч креста – это режимный корпус, состоящий из четырех вертикальных галерей, с узким проходом вдоль стен и такими же узкими железными лестницами между этажами. Если встать в центре креста, то окажешься в центре

круга. Такая вот занимательная геометрия. На каждом этаже «на кругу» находились служебные кабинеты – медицинских работников, оперативных сотрудников, технические помещения. Еще оттуда можно дотянуться взглядом практически до любой точки здания. Куда ни глянь – везде камеры, где сидят арестанты. Некоторые лучи несли особую функцию – сборный корпус, карцер, психиатрическое отделение, корпус для ПЖ.

Значимость жутких образов и ассоциаций в «Крестах» никуда не деть. Они повсюду. Вот и корпус ПЖ – корпус, где содержались приговоренные к пожизненному заключению до момента отправки их к месту отбытия наказания. Он имел номер 2/1. А раньше, до принятия моратория на смертную казнь, в подвале именно этого корпуса осуществлялись расстрелы. Одно из самых мрачных мест в изоляторе. Все сидят в основном по одному. Видеонаблюдение в каждой камере. Чтобы вывести человека в кабинет врача, нужно уведомить руководство и собрать не менее трех сотрудников сопровождения.

Белый домик – маленькое одноэтажное здание, расположенное буквально в пяти метрах от входа на первый крест, где сидели работники службы тыла. Это служба, которая отвечала за материальное обеспечение изолятора. У них можно было «отмутить», получить почти все, если правильно попросить...

А еще барак и клуб для заключенных, отбывающих нака-

зание и работающих в хозотряде. Это осужденные, которые имеют не очень большие сроки и выразили желание остаться в следственном изоляторе. Практически всю работу делают именно они. Весь неквалифицированный труд – их. А те, что с образованием и достаточно неглупы, выполняют немало работы за сотрудников. Начиная от сантехников, электриков, автослесарей и заканчивая компьютерщиками и помощниками врачей.

Однажды мне мой бригадир санитаров сказал так: «В тюрьме работают хорошо все службы. Кроме спецчасти – там зеков нет».

Далее. Двухэтажное здание с большой кухней, где готовилась пища для всех арестантов. Ненавижу запах еды в казенных учреждениях. Во всех он одинаков. Начиная от школ и детских садов и заканчивая многопрофильными больницами и пенитенциарной системой. Причем формально это может быть весьма неплохая пища, как по качеству, так и по органолептическим свойствам.

В плане еды перед администрацией стояла нетривиальная (или, наоборот, сверхтривиальная) задача: сэкономить как можно больше и чтобы у людей не было претензий. И как-то у нас с ней справлялись. Мне же в дни, когда я оставался дежурным медиком, приходилось снимать пробу с этих огромных баков с варевом. Тошнотворно, но что поделать. Гораздо занятнее – это раздача пищи. В СИЗО нет возможности выводить заключенных в столовую. Такая осо-

бенность режима. Потому еду три раза в день разносят по камерам. Специально обученные зеки из хозотряда приходят на кухню. Сначала полные баки, объемом примерно 30–40 литров, выносятся на улицу и выставляются в ряд по четыре-пять штук. Парни выстраиваются в шеренгу между ними и паровозиком бодро несут баки на корпуса. Самое сложное – это когда им все так же приходится подниматься по узким крутым железным лестницам между этажами. Затем уже другой зек из хозотряда разносит еду по «кормушкам» – маленьким проемам в двери каждой камеры. И такая канитель три раза в день.

А на втором этаже этого здания было подобие актового зала, где периодически проводились собрания работников. Когда приезжал очередной артист, который жаждал популярности, или очередной религиозный деятель, то там могли соби- рать как заключенных, так и сотрудников. Или и тех и других вместе. Сотрудникам там же приходилось выслушивать вся- ких генералов и прочих больших руководителей, которым нужно было непременно понимающе кивать. Я же читал там лекции для работников о вреде курения и алкоголизма.

Однажды мне мой бригадир санитаров сказал так: «В тюрьме работают хорошо все службы. Кроме спецчасти – там зеков нет».

Сама больница имела отдельный корпус в три этажа и сто- яла рядом с северным забором: окна ее верхних этажей вы- ходили на какое-то гражданское учреждение здравоохране-

ния, где содержались беременные на сохранении и работал центр планирования семьи. Занятое соседство. Символическое.

В больнице располагалось терапевтическое отделение с большими, просторными палатами, кабинетами врачей и простенькой операционной, достаточной, чтобы что-то вырезать или зашить до приезда скорой помощи. Аптека и аптечный склад. Кабинет рентгена. Лаборатория, где когда-то можно было сделать некоторые анализы крови, но к моему приходу уже ничего толком не работало. Ну, и кабинет главного врача и его зама. Здание большое, но совершенно не рассчитанное на нужный объем. На все 160 коек. Таким образом, инфекционное отделение располагалось на первом кресте и занимало половину второго этажа одного из режимных корпусов, а мое отделение занимало второй этаж второго креста. Флюорография была на территории сборного корпуса. Кабинеты для амбулаторного приема врачей-специалистов – на «кругу» первого и второго крестов.

Затем закрытый туберкулезный корпус, девятый. Это шикарный пример отечественной бюрократии, чванства и идиотизма. По правилам санитарии, любая туберкулезная больница должна быть разрушена до основания после 30 лет работы, так как пресловутую палочку Коха извести невозможно в принципе. Девятый корпус прослужил в этой роли лет 50. Дальше его функционирование было невозможно, и к началу 2010-х годов его вывели из эксплуатации. А снести

нельзя, так как весь тюремный комплекс «Кресты» находится под защитой ЮНЕСКО как архитектурный памятник. Его просто закрыли. Почти. Там осталось много хорошей сантехники, электрики и прочих лампочек, и его потихоньку разбирали для текущего ремонта не менее древних остальных корпусов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.